

Бурцев Владимир Анатольевич

О ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРДИСКУРСА В ДИСКУРСЕ

Статья раскрывает содержание понятия "интердискурс" сквозь призму теории французской школы анализа дискурса. Особое внимание обращено на обоснование возможности обнаружения форм интердискурса в синтаксической структуре высказывания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/1-1/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): в 2-х ч. Ч. I. С. 50-56. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

5. **Щукин А. Н.** Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам. М.: Филоматис, 2010. 188 с.
6. **Fried-Booth D. L.** Project work. Oxford: Oxford University Press, 2002. 127 p.

**USE OF INNOVATION TECHNOLOGIES WHILE TEACHING PROFESSIONAL FOREIGN LANGUAGE
(BY THE EXAMPLE OF THE EXPERIENCE OF INSTITUTE OF GEOLOGY, OIL AND GAS
OF TOMSK POLYTECHNIC UNIVERSITY)**

Lyudmila Mihaylovna Bolsunovskaya, Irina Alekseevna Matveenko

*Department of Foreign Languages in the Sphere of Geology, Oil and Gas
Institute of Geology, Oil and Gas
National Research Tomsk Polytechnic University
bolsunovskaya@inbox.ru*

In the article some innovation methods of teaching professional foreign language applied in the educational process with four-year students of Institute of Geology, Oil and Gas are considered. These methods have obvious advantages including the following: increasing students' motivation to learn a foreign language, orientation at real practical result important for each project member, broadening the educational mental outlook and also the formation of professional communication skills.

Key words and phrases: innovation methods of teaching foreign language; project method; case-study; motivation; optimization.

УДК 81'42

В статье описываются некоторые проблемы интерпретации понятий «текст» и «дискурс» в современной лингвистике. Кратко представлен процесс становления понятия «дискурс» в лингвистике, отмечены основные характеристики данного понятия, отличающие его от понятия «текст». Приводятся доказательства того, что понятия «текст» и «дискурс» следует рассматривать как взаимосвязанные и взаимообусловленные.

Ключевые слова и фразы: текст; дискурс; речевая деятельность; причинно-следственная связь.

Екатерина Алексеевна Бочарникова

*Кафедра «Иностранные языки в гуманитарном и естественнонаучном образовании»
Астраханский государственный технический университет
bocharnikova2006@bk.ru*

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ТЕКСТ» И «ДИСКУРС» В ЛИНГВИСТИКЕ©

Термин «дискурс» (фр. *discourse*, англ. *discourse*, от лат. *discursus* «бегание взад-вперед; движение; круговорот; беседа, разговор») насчитывает более десяти различных, порой противоречащих друг другу дефиниций. Этот термин является одним из самых сложных, так как он обозначает высшую реальность языка - дискурсивную деятельность [8, с. 9].

Н. Д. Арутюнова дает следующее определение дискурса: «Дискурс (от франц. *discours* - речь) - связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в понятийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс - это речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [1, с. 136-137].

По словам Н. Д. Арутюновой, «одной своей стороной дискурс обращен к прагматической ситуации, которая привлекается для определения связности дискурса, его коммуникативной адекватности, для выяснения его импликаций и пресуппозиций, для его интерпретации... Другой своей стороной дискурс обращен к ментальным процессам участников коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи в тех или других условиях (*discourse processing*), определяющих необходимый темп речи, степень ее связности, соотношение общего и конкретного, нового и известного, субъективного и общепринятого, эксплицитного и имплицитного содержания дискурса, меру его спонтанности, выбор средств для достижения цели, фиксацию точки зрения говорящего и т.п.» [Там же, с. 137].

Следует отметить, что изначально термин «дискурс» во французской лингвистической традиции означал речь вообще и выступал синонимом термину «текст»; обозначаемые этими терминами понятия рассматривались как тождественные. Но с развитием теории коммуникации, социолингвистики, психолингвистики, становлением когнитивной парадигмы содержание этих понятий постепенно приобретает различный смысл.

Первым разграничил понятия «текста» и «дискурса» Т. А. ван Дейк в своем трактате «Стратегии понимания связного текста», но в указанной работе термины постоянно путаются, что и понятно: англ. *discourse* употребляется как в значении текста, так и просто разговора [2].

Интересными представляются выводы о соотношении понятий «текст» и «дискурс», сделанные Е. С. Кубряковой и О. В. Александровой: «Под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [7, с. 19-20].

Как полагает В. Е. Чернявская, «Важно также иметь в виду, что дискурсивный процесс, в центре которого находится текст, может в своей пресуппозитивной части содержать один или более имплицитных прецедентных текста... Таким образом, прецедентные тексты являются обязательными конституентами дискурса, обеспечивая процессы понимания, но не облигаторны как составляющие текста» [10, с. 29].

Достаточно подробно взаимоотношения текста и дискурса изложены А. Ю. Поповым в его работе «Основные отличия текста от дискурса» (2001). Исследователь противопоставляет спонтанность дискурса упорядоченному, каноничному по форме изложению тексту; динамичность дискурса - статичности текста; нацеленность дискурса на появление реакции собеседника - закрытой коммуникативной текстовой системе; ограниченность дискурса во времени - произвольному выбору длины текста автором; ориентированность дискурса на живую аудиторию - текста - на аудиторию абстрактную; неограниченность дискурса в плане выбора вербальных и невербальных средств по сравнению с текстом; принадлежность конкретной ситуации протекания дискурса - неизвестной ситуации восприятия текста и т.д. [9].

Интересными представляются и следующие наблюдения указанного исследователя: «Дискурс - живой, он рождается, живет и умирает, когда предмет, который обсуждается, теряет свою актуальность... Текст - вечен (рукописи не горят)... дискурс - текст (несвязных текстов в природе не существует). Письменный текст некогда был дискурсом (см., напр., «Новый завет»), а текст, когда к нему прикоснется рука человека и включится его сознание, обернется дискурсом... Текст - средство и единица коммуникации. Дискурс - форма, в которой эта коммуникация протекает. Текст дает пищу для размышлений, дискурс - эксплицитно выраженное размышление» [Там же, с. 41-42].

Как справедливо замечает Е. С. Кубрякова, противопоставление текста и дискурса не следует абсолютизировать: хотя эти понятия и рассматриваются скорее как взаимоисключающие, их все же связывает «генетическое родство» (Е. С. Кубрякова). Иными словами, не существует текста вне дискурсивной деятельности: любому зафиксированному тексту предшествует дискурс. Помимо этого, «общим для анализа текста и дискурса является очень важное для их понимания обращение к декодированию неочевидных смыслов и в том и в другом» [8, с. 22].

Таким образом, хотя понятия текст и дискурс вполне различимы, они не противопоставляются друг другу - их отношения характеризуются причинно-следственной связью: текст является результатом дискурса. Текст возникает по ходу осуществления определенного процесса, но изучается он в своем завершенном виде, а дискурс исследуется в определенном режиме и времени. Во всяком случае, дискурсивный анализ предполагает восстановление этого процесса, даже если изучается его результат [Там же, с. 79].

Как показывают наблюдения исследователей, наряду с противоположными характеристиками у этих двух понятий имеются некоторые общие свойства. Например, Т. ван Дейк отмечает, что «пользователями» и текста, и дискурса являются автор и читатель, не всегда непосредственно контактирующие друг с другом [11, р. 3].

Полагают также, что сказанное выше будет верным и для научного текста, который рождается в определенной социально-культурной и исторической среде, что в той или иной форме отражается в его содержательной и формальной структурах. Создавая научный текст, автор не просто фиксирует определенные знания в письменной форме, но и включает в данный текст элементы воображаемого диалога с адресатом, стремится реализовать с помощью определенных языковых структур текста свои интенции, довести до адресата определенные прагматические установки [3, с. 67]. Иными словами, автор погружается в дискурсивное пространство той науки или того знания, на фоне которого рождается конкретный текст, используя все возможности дискурса с целью аргументированного изложения своих взглядов, предположений, выводов и т.д.

Размышляя далее о понятиях текста и дискурса, укажем, что если дискурс, по мнению отдельных авторов, - это «сложная система иерархии знаний» [5, с. 8], включающая знания о мире, о котором говорят, о языке, на котором говорят, и знания об уместности ситуации [8], то и текст, будучи результатом дискурса, вероятно, может рассматриваться как представляющий практически идентичную иерархию знаний.

Представление дискурса как сложного коммуникативного явления, не только предполагающего создание определенного текста, но и отражающего зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств, проявляющихся и при восприятии текста, позволяет отдельным ученым утверждать, что «в модель понимания (или обработки) дискурса естественно вписывается модель его когнитивной обработки» [Там же, с. 14].

Принимая во внимание описанные выше свойства текста и дискурса, следует, по-видимому, разделить точку зрения, согласно которой эти понятия связаны причинно-следственными отношениями и дискурс - «более широкое понятие, чем текст» [6, с. 307], представляющий собой особый результат процесса письменной речи и имеющий, так же как и дискурс, свои «коммуникативные векторы» [4, с. 56].

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.
2. Дейк ван Т. А., Кинч В. Стратегия понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. XXIII. С. 153-211.
3. Дроздова Т. В. Проблемы понимания научного текста: монография. Астрахань: Изд-во АГТУ, 2003. 224 с.
4. Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М.: Высшая школа, 1990. 152 с.
5. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса: вступ. статья // Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 5-11.
6. Кибрик А. А., Плунгян В. А. Функционализм // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: УРСС, 2002. С. 276-339.
7. Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Виды пространства, текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: материалы научной конференции. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 19-20.
8. Кубрякова Е. С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7-25.
9. Попов А. Ю. Формы экономических текстов и дискурсов // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сборник научных статей. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 130-137.
10. Чернявская В. Е. От анализа текста к анализу дискурса // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. Рязань, 2002. С. 230-232.
11. Dijk van T. A. The study of discourse // Discourse as structure and process / ed. by A. Teun. London, 1997. Vol. 1. Dijk van. Discourse studies: a multidisciplinary introduction. P. 1-34.

ABOUT THE CORRELATION OF THE NOTIONS “TEXT” AND “DISCOURSE” IN LINGUISTICS

Ekaterina Alekseevna Bocharnikova

*Department of Foreign Languages in Humanitarian and Natural-Scientific Education
Astrakhan State Technical University
bocharnikova2006@bk.ru*

In the article some problems of the interpretation of the notions “text” and “discourse” in modern linguistics are described. The process of the formation of the notion “discourse” in linguistics is presented in brief, the main characteristics of this notion distinguishing it from the notion “text” are pointed out. The evidence that the notions “text” and “discourse” should be considered as interconnected and interrelated ones is given.

Key words and phrases: text; discourse; speech activity; cause-and-effect relation.

УДК 81'42; 801.7

Статья раскрывает содержание понятия «интердискурс» сквозь призму теории французской школы анализа дискурса. Особое внимание обращено на обоснование возможности обнаружения форм интердискурса в синтаксической структуре высказывания.

Ключевые слова и фразы: дискурс; интердискурс; акт производства высказывания; прекоинструкт; эффект опоры.

Владимир Анатольевич Бурцев

*Кафедра теории и истории русского языка
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
burcev-i@mail.ru*

О ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРДИСКУРСА В ДИСКУРСЕ®

Одним из главных средств анализа дискурса является соотнесение дискурса с интердискурсом. При этом возникает проблема определения лингвистических форм интердискурса.

Если дискурс - это текст или речь, то чем является интердискурс, какое место и где он занимает в структуре текста? Вполне определенные ответы на эти вопросы дает французская школа анализа дискурса [4]. Некоторые идеи этой школы, тесно связанные с разработкой понятия интердискурса, являются предметом рассмотрения.

Ключевым пунктом теории французской школы служит представление о том, что в актуальном высказывании, рассмотренном с точки зрения его производства, можно обнаружить следы другого высказывания, место и время производства которого остаются имплицитными. Отсюда вытекает такая гипотеза: если говорящий в процессе акта высказывания не утверждает все сообщаемые пропозиции, то, следовательно, он и не выступает абсолютным хозяином смысла высказывания. Таким образом, эта теория подразумевает определенную точку зрения на связь мышления и языка. Существенным моментом здесь является опора на синтаксис, поскольку в свете единицы дискурса - высказывания - именно синтаксическая конструкция является местом, где локализуются дискурсные процессы. Поль Анри, по-видимому, первый среди французских ученых, представителей школы анализа дискурса, кто синтаксически описал дискурсный процесс intersubjectivity. На его работе [1] сосредоточено основное внимание в статье.

П. Анри обратил внимание на классический случай, связанный с придаточными относительными, а именно на тот факт, что относительные придаточные могут выражать два значения - определительное и аппозитивное, что иллюстрируется следующим примером.

(1) *Профсоюзы, которые защищают трудящихся, демократичны* [Там же, с. 171].

(1а) Аппозитивное значение: *(все) профсоюзы демократичны, потому что защищают трудящихся.*

(1б) Определительное значение: *(те) профсоюзы демократичны, которые защищают трудящихся.*

П. Анри разбирает две теории, которые возникли в связи с интерпретацией придаточных относительных: теорию референции и теорию ограничений выбора. Согласно первой разные эффекты значения обусловлены лексико-грамматическими свойствами определяемого существительного (или именной группы). Одни существительные референциально автономны, так что придаточное служит только указательным средством (средством практической идентификации), поскольку референциальная автономность не требует дополнительного контекста для определения значения. В этой функции выступают аппозитивные придаточные. Другие существительные референциально зависимы, и для их определения требуется контекст, а именно: определительное придаточное. П. Анри считает такой подход сомнительным, поскольку тогда предполагается, что каждый раз от говорящего будет требоваться, чтобы в случае употребления референциально-автономных слов, он бы их употреблял, определяя точно класс предметов, названных данным словом. Иначе говоря, П. Анри обоснованно допустил, что случаи референциальной автономности/неавтономности коренятся не в грамматике или словаре, а возникают в тексте под влиянием семантических факторов. «...Референтность или нереферентность конкретной единицы не является ее внутренней характеристикой, а представляет собой эффект значения, возникающий при взаимодействии синтаксиса с семантическим фактором» [Там же, с. 168-169]. В дальнейшем изложении П. Анри уточняет, что эти факторы связаны с актом производства высказывания. Иллюстрациями того, что принцип референциальной автономности не является решающим в интерпретации типа значения придаточных относительных, служат следующие примеры:

(2) *Собака, животное, меня укусила* (где *животное* не обладает референциальной автономностью).

(3) *Собака, животное, является плотоядным* (где *животное* употребляется как референциально-автономное существительное) [Там же, с. 167-168].

Нельзя не обратить внимание, что выводы П. Анри в существенных деталях совпадают с некоторыми концепциями референции, в которых большую роль играет учет типа коммуникативной ситуации (например, [3]).

Однако мы полагаем, что значение поднятого П. Анри вопроса о приуроченности языкового выражения к конкретному предмету не исчерпывается тем, что его можно рассматривать в терминах разного употребления в разных коммуникативных ситуациях одной и той же дескрипции. Он также имеет отношение к вопросу о том, что принадлежит естественному языку (в смысле кода) и что может рассматриваться в качестве дискурсного процесса. В теории анализа дискурса ответ на него дается с точки зрения механизма производства высказывания, который и определяется как дискурс [8, с. 27]. Например, П. Серию формулирует отношения взаимоориентации языка и дискурса следующим образом: «...дискурс естественного языка имеет дело с объектами, уже являющимися продуктом подбора и построения. Однако в высказывании можно найти лишь следы таких операций: говорящий не может «сказать всего», эксплицитировать все в каждом новом высказывании» [9, с. 365].

Согласно теории ограничений выбора Н. Хомского говорящий выбирает прилагательные и глаголы исходя из существительных. Категория существительного признается, таким образом, автономной по отношению к прилагательному и глаголу. По мнению П. Анри, теория ограничений выбора хорошо формализует понятия, связанные с референциальной автономностью, но в тоже время испытывает серьезные трудности как в связи с проблемой детерминации, так и с некоторыми другими. Так, П. Анри приводит пример, который теория ограничений выбора, исходя исключительно из синтаксических признаков предложения, объяснить была не в состоянии: *Профессор и Пьер поженились* (грамматичное предложение); *Кюре и Пьер поженились* (неграмматичное предложение) [1, с. 164-165].

Как считает П. Анри, факты подобного рода стали предпосылкой к усовершенствованию генеративной теории, в частности, к включению в нее в качестве одного из теоретических оснований универсальной семантики [Там же, с. 165].

И по этому поводу П. Анри делает следующий важный вывод: поскольку универсальная семантика была введена с целью описания значения с точки зрения языковой компетенции, генеративная теория объективно была вынуждена отказаться от разработки теории дискурса. В результате факты дискурса как таковые, дискурс в целом как механизм производства высказывания был насильно водворен в язык [Там же, с. 171]. Так, генеративистские подходы к различению придаточных определительных и аппозитивных, разбор которых П. Анри проводит, показывают, по его мнению, именно то, что при описании области значения придаточных объективное влияние на неё дискурсных процессов отрицается.

В генеративной грамматике принято соотносить интерпретации придаточных относительных с разными глубинными структурами (см. также результаты современных исследований в [5; 6]). П. Анри находит, что практически все трансформации могут быть сведены к одной [1, с. 174]; следовательно, этот факт препятствует объяснению разного «прочтения» придаточной части. Тем не менее, в некоторых генеративистских подходах П. Анри отмечает элементы гипотез, продуктивные с точки зрения дискурсной интерпретации. Так, он обращает внимание на подход, предложенный Х. Б. Друбигом: «Для случая ... придаточного определительного предлагается «контекстуальная» гипотеза, состоящая в том, что перед применением сочинительной трансформации в глубинной структуре конституэнтная фраза должна стоять слева от матричной фразы. Эта гипотеза в какой-то мере отражает эффект «пресуппозиции», возникающий в случаях, когда придаточное относительное выступает в функции определительного, а также идею пресуппозиции» [Там же, с. 175].

Таким образом, согласно П. Анри, ни теория референциальной автономности, ни теория ограничений выбора (между которыми много общего), ни внутривидовые трансформации не дают окончательных решений относительно объяснения неоднозначности придаточных относительных.

Решение самого П. Анри состоит в следующем. Принимается обоснованный тезис, что эффекты значения придаточных относительных как единиц языка дают не сами эти единицы, внутренняя характеристика которых может быть основана на референции и трансформациях, а соотношение единиц с их парафразами. П. Анри квалифицирует парафразы как объекты, внешние по отношению к дискурсу, поскольку они, выступая в формах, отличных от той, в которой они представлены в текущем дискурсе, оставляют при этом неизменным смысл высказывания [Там же, с. 169]. Парафраза, сопоставляемая исходному высказыванию, рассматривается как дискурсная, поскольку, детерминируя референтный характер определяемого, она сама зависит от дискурсной формации. Дискурсная формация «определяет способность единиц выступать в качестве замены данной единицы в данной ситуации и с данной позиции» [Там же]. Таким образом, делается вывод, что смысл неоднозначного языкового выражения может быть выражен материально дискурсными парафразами.

Далее П. Анри показывает, каким образом внешние по отношению к дискурсу объекты функционируют внутри дискурса. Для этого он использует понятия «насыщенная формулировка, «внешнее соотношение», «внутреннее соотношение» [Там же, с. 179]. Поскольку эти понятия вводятся практически без иллюстраций, мы полагаем возможным рассмотреть их в более привычных терминах, хотя допускаем, что это может несколько исказить смысл сделанных П. Анри наблюдений. Внутренне и внешнее соотношение можно связать соответственно с атрибутивным и референтным употреблением определенных дескрипций [3]. Рассмотрим примеры К. С. Доннелана.

Дискурсной парафразой (4) является (4а):

(4) *Убийца Смита - сумасшедший.*

(4а) *Убийца Смита - сумасшедший* (= потому что так жестоко убить человека может только сумасшедший).

По П. Анри, внешнее соотношение имеет место в случаях, когда элементы высказывания соотносятся с другой последовательностью. Если считать, что цель атрибутивного употребления - не указать на человека, знакомого слушателю, а включить некое лицо в класс, в данном случае в класс сумасшедших, то тогда следует говорить об отношении включения между определяемым и определяющим [2, с. 441]. В терминах Д. Вайса *сумасшедший* в (4а) понимается предикатно, а не субстантивно. Только субстантивное употребление является идентифицирующим. Согласно одному из следствий принципа идентификации, «референция имеет место благодаря известным говорящему фактам, *относящимся исключительно к данному объекту* (выделено нами - В. Б.)» [10, с. 196]. Поскольку убийца Смита может и не быть сумасшедшим, то дискурсные последовательности *убийца Смита* и *сумасшедший* следует интерпретировать с позиции внешнего соотношения. Факт того, что дискурсная формулировка *убийца Смита* соотносится с другой дискурсной последовательностью, предполагает ее определение как ненасыщенной дискурсной формулировки.

Дискурсной парафразой (4) при референтном употреблении определенной дескрипции является (4б):

(4б) *Убийца Смита - сумасшедший* (= тот, кто нам известен как пациент психиатрической больницы).

Основная функция определителей (детерминативов) при референтном употреблении - идентификация объекта. В смысле приведенного выше следствия из принципа идентификации следует признать, что в данном случае *убийца Смита* и *сумасшедший* кореферентны, и квалифицировать дискурсную последовательность по типу внутреннего соотношения, т.е. как соотносящуюся саму с собой. Следовательно, *убийца Смита* - насыщенная дискурсная формулировка.

Термины «насыщенная формулировка», «внутренне соотношение», «внешнее соотношение» отражают не языковые условия, а существо дискурсного процесса, основанного на возможности сегментировать дискурсную последовательность: а) на пропозицию, утвержденную самим говорящим, и б) на пропозицию, которая в текущем дискурсе признается как утвержденная в другом акте коммуникации. Исследование П. Анри в сущности показывает, что интерпретация определяемого может быть поставлена в зависимость от дискурсных парафраз, чем и определяется квалификация относительных придаточных как средств когеренции дискурса. При этом обнаруживается тот факт, что сам говорящий никак не материализует их в утвердительном речевом акте. Они представлены в высказывании только в виде «следов» тех утверждений, которые были произведены за пределами текущего высказывания. По отношению к дискурсу как механизму, ответственному за производство высказывания, французская школа делает вполне логичный вывод: парафрастическое отношение «может функционировать вне сознания говорящего, пишущего, слушающего или читающего, и в этом «забвении» и заключается (как это показали Пешё и Фукс) иллюзия того, что сам говорящий, пишущий и т.п. является первоисточником своих слов и своего дискурса» [1, с. 180]. В такой модели анализа дискурса понятие интердискурса выглядит комплексным, так как мотивируется тройко: связью с дискурсными формациями, бессознательным и материальным проявлением в виде синтаксических структур с неутвержденными предикативными отношениями. На этом фоне вполне определенными являются следующие дефиниции интердискурса. Интердискурс - это то, что «говорит всегда “до, вне и независимо” (от конкретного высказывания)» [8, с. 45]. «Всякая дискурсная формация скрывает за прозрачностью смысла, который в ней устанавливается, свою зависимость от «сложного целого с доминантой» дискурсных формаций, сплетенного с комплексом идеологических формаций... Мы предлагаем назвать интердискурсом (*interdiscours*) это «сложное целое с доминантой» дискурсных формаций, уточняя при этом, что оно также подчиняется закону неравенства-противоречия-зависимости...» [7, с. 266-267].

Особо отметим момент, чрезвычайно важный для описания форм дискурса как форм языка. Он состоит в объективной возможности обнаружения интердискурса в синтаксической структуре высказывания. Теория акта производства высказывания предполагает (исходя из того, что эффекты значения возникают за счет дискурсной парафразы [1, с. 178]), что некоторые предложения могут быть подвергнуты сегментации (анализу) с точки зрения утверждения. В таком случае то, что представлено в предложении в виде имплицитных или стертых предикативных отношений, в связи с которыми можно восстановить предыдущий речевой акт, есть след дискурсной парафразы, источник которого - высказывание, сделанное «ранее и в другом месте». П. Анри для обозначения импортированных высказываний, находящихся синтаксическое место в структуре текущего дискурса, ввел понятие «преконструкт». М. Пешё, помимо преконструкта, выделил еще одну интердискурсную форму - «эффект опоры».

В заключение мы приведем дефиниции этих понятий. Что касается понятия «преконструкт», то оно вполне определилось, поскольку преконструированные лингвистические формы (номинализации и сравнительные конструкции с союзом *как*) были детально проанализированы на конкретном языковом материале. Мы имеем в виду следующие работы П. Серио [9; 11]. Определение преконструкта П. Серио: это простые высказывания, либо взятые из предыдущих дискурсов, либо представленные таковыми. «Данные высказывания, внешние по отношению к акту текущего высказывания, вносятся в него в качестве предикативных отношений, где в каждом элементе *уже* (выделено П. Серио. - В. Б.) наличествуют ассертивные операции, либо реализованные, либо принимаемые за реализованные в течение предыдущего акта производства высказывания, независимо от того, является ли данный акт внутренним или внешним по отношению к рассматриваемому речевому произведению» [9, с. 356].

Конкретных исследований дискурса в связи с эффектом опоры, по-видимому, нет. Мы можем сослаться исключительно на одну работу М. Пешё [7, с. 247], в которой это понятие не столько определяется, сколько применяется операционально.

Поэтому следующее определение следует рассматривать лишь в контексте будущих уточнений. Вслед за М. Пешё, эффект опоры трактуется нами как логическое «отношение импликации между свойствами» именных групп, конституированных в качестве элементов синтаксической структуры, допускающей анализ с точки зрения утвердительного речевого акта. Неассертивная часть предложения «выступает как опора мысли, содержащейся в другом предложении». Таким «другим предложением» является ассертивная часть. Иначе говоря, при описании опорного процесса важным является учет особенностей синтаксической стыковки ассертивной и неассертивной части. М. Пешё неслучайно для обозначения эффекта опоры использует также термин «синтаксическая стыковка» [Там же, с. 267].

Список литературы

1. **Анри П.** Относительные конструкции как связующие элементы дискурса // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 158-183.
2. **Вайс Даниэль.** Высказывания тождества в русском языке: опыт их отграничения от высказываний других типов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. С. 434-463.
3. **Доннелан К. С.** Референция и определенные дескрипции // Там же. М.: Радуга, 1982. Вып. XIII. Логика и лингвистика. С. 134-160.
4. **Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса.** М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. 416 с.
5. **Лютикова Е.** Загадки русских относительных предложений: хэндаут доклада на конференции «Синтаксические структуры-2» 2-4 апреля 2008. М.: РГГУ, 2008.
6. **Митренина О. В.** Синтаксис коррелятивных конструкций русского языка с позиций генеративной грамматики [Электронный ресурс] // Труды Международной конференции «Диалог 2008». URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2008/materials/html/55.htm> (дата обращения: 26.03.2010).
7. **Пешё М.** Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 225-290.
8. **Серно П.** Как читают тексты во Франции // Там же. С. 12-53.
9. **Серно П.** Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Там же. С. 337-383.
10. **Серл Дж. Р.** Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1982. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). С. 179-202.
11. **Серво П.** Сравнение, тождество и имплицитная предикация // Логический анализ языка: избранное. 1985-1995. М.: Индрик, 2003. С. 282-295.

ABOUT INTERDISCOURSE SPACE IN DISCOURSE**Vladimir Anatolyevich Burtsev**

*Department of Theory and History of the Russian Language
Elets State University named after I. A. Bunin
burtsev-i@mail.ru*

The article reveals the contents of the notion “interdiscourse” through the prism of the theory of the French school of discourse analysis. Special attention is paid to the substantiation of the possibility of the detection of interdiscourse forms in an utterance syntactic structure.

Key words and phrases: discourse; interdiscourse; utterance production act; pre-construct; support effect.

УДК 821.111(73)

В статье произведения мексикано-американского писателя Рудольфо Анайя и индейских писателей Лесли М. Силко и Джеральда Визенора рассматриваются с позиции транскультурности, поскольку, размышляя о своей культуре, все три автора обращаются к китайскому наследию.

Ключевые слова и фразы: транскультурность; межкультурность; китайская и индейская мифология.

Евгения Михайловна Бутенина

*Кафедра истории зарубежной литературы
Дальневосточный государственный университет
emb@ifl.dvgu.ru*

**ТРАНСКУЛЬТУРНЫЙ ПОИСК КОРНЕЙ В МЕКСИКАНО-АМЕРИКАНСКОЙ
И ИНДЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ©**

Взаимодействие культурных традиций в современном мировом пространстве порождает феномен контактных литератур, которые привлекают все большее внимание исследователей и читателей со второй половины XX века. Вслед за Брэджем Качру контактными литературами чаще всего называют литературы на английском языке, созданные авторами, для которых английский - второй язык. Таким образом, они являются «продуктом творчества мультикультурных и мультилингвальных языковых сообществ» [9, p. 125]. Мультикультурная среда создает также интересный феномен транскультурности. Взаимодействие между разными культурами обычно определяется термином «межкультурность», тогда как транскультурность предполагает общение за пределами культур, т.е. обозначает явления, универсальные для человечества. Транскультурное взаимодействие предполагает существование различий, но они не воспринимаются как барьеры, напротив, в них видится объединяющая основа.